

Е.М. Чекалина

ШВЕДСКИЙ СЛАВИСТ XVII В. ЮХАН ГАБРИЭЛЬ СПАРВЕНФЕЛЬД

В статье рассматриваются деятельность и труды одного из первых шведских славистов конца XVII в. Юхана Габриэля Спарвенфельда (1655–1727) в контексте российско-шведских отношений 1680-х годов.

Ю.Г. Спарвенфельд был прирожденным путешественником и коллекционером книг и рукописей. Интерес к русскому языку и русской культуре появился у него во время путешествия в Москву, когда он как придворный камер-юнкер принял участие в большой шведской дипломатической миссии во главе с Конрадом Юлленшерной, направленной в Россию в феврале 1684 г. для ратификации двух мирных договоров. Он описал путешествие в Россию и трехлетнее пребывание в Москве до февраля 1687 г. в своем дневнике, хранящемся в Государственном архиве Швеции, научное издание которого было подготовлено профессором Упсальского университета Уллой Биргегорд, специалистом в области славянской филологии и истории, и опубликовано в 2002 г.

Ю.Г. Спарвенфельд был известен представителям ученого сообщества своего времени, прежде всего Готфриду Вильгельму Лейбницу, с которым он находился в постоянной переписке почти десять лет, как крупный специалист в области славянских языков, особенно русского. Они знали его главным образом как составителя большого славяно-латинского словаря *Lexicon Slavonicum*, одного из самых крупных славянских словарей того времени, оригинал которого хранится в библиотеке Упсальского университета. Научное издание этого словаря также было подготовлено профессором Уллой Биргегорд и вышло в четырех томах в 1987–1992 гг.

Ключевые слова: шведская славистика, лексикография.

E.M. Chekalina

JOHAN GABRIEL SPARWENFELD, A 17th CENTURY SWEDISH SLAVICIST

The article discusses the activity and works of Johan Gabriel Sparwenfeld (1655–1727), one of the first Swedish Slavists at the end of the 17th century, in the context of Swedish-Russian relations in the 1680s. J.G. Sparwenfeld was a natural-born traveller and a collector of books and manuscripts. He became interested in the Russian language and culture during a journey to Moscow, when he took part, as a hoffunker, in a large Swedish diplomatic embassy headed by Conrad Gyllenstierna and sent to Russia in February of 1684 to ratify two peace treaties. He described the journey to Russia and the three-year stay in Moscow until February of 1687 in his travel diary, preserved at the Swedish National Archives, a scientific publication of which was prepared by Ulla Birgegård, professor of Slavonic philology and history at Uppsala University, and published in 2002.

J.G. Sparwenfeld was known to the learned community of his time, first and foremost to Gottfried Wilhelm Leibniz, his permanent pen friend for almost ten years, as a great expert on Slavonic languages, especially on Russian. They knew him, first of all, as the compiler of the extensive Slavonic-Latin dictionary, the *Lexicon Slavonicum*, one of the most comprehensive Slavonic dictionaries of that time, preserved in the original at Uppsala University Library. A scientific publication of this dictionary was also prepared by Ulla Birgegård and published in four volumes in 1987–1992.

Keywords: Slavonic studies in Sweden, lexicography.

Юхан Габриэль Спарвенфельд (1655–1727) родился в семье военного Юхана Габриельссона Спарвенфельда, получившего дворянский титул за преданную службу, и его жены Кристины Угглы, происходившей из знатного дворянского рода. В возрасте семи лет родители отправили его учиться в Упсалу, где он провел тринадцать лет: сначала в гимназии, а потом в университете. Там он изучал историю и иностранные языки, проявив к этому незаурядные способности; известно, что он говорил и писал на четырнадцати языках. С 1677 по 1682 г., путешествуя по Европе, Ю.Г. Спарвенфельд посетил Голландию, Францию, Италию, Англию и Данию. Там он совершенствовал свои знания иностранных языков, знакомился с учеными и влиятельными людьми, изучал сокровища, хранившиеся в библиотеках и архивах, приобретал книги и рукописи. Профессор Упсальского университета Улла Бирегорд, осуществившая научные издания основных трудов Спарвенфельда, большинство которых хранится в библиотеке Упсальского университета, писала, что он был по своей природе собирателем книг и рукописей, знаний, впечатлений и знакомств с учеными своего времени¹. Свидетельством этому стала постоянная переписка с немецким ученым-просветителем Г.В. Лейбницем в течение почти десяти лет (1695–1704).

В 1684 г. придворный камер-юнкер Ю.Г. Спарвенфельд отправился в Москву в составе шведской дипломатической миссии во главе с Конрадом Юлленшерной для ратификации двух мирных договоров Швеции с Россией. Во время трехлетнего пребывания в России Ю.Г. Спарвенфельд вел дневник, который хранится в Государственном архиве Швеции; в нем он подробно описывал свои впечатления о путешествии в Россию и о Москве того времени. Большая часть дневника написана по-шведски, имеются также значительные вкрапления на французском языке, несколько страниц текста написано по-итальянски и несколько предложений по-испански. Научное издание дневника Спарвенфельда с подробным историко-страноведческим комментарием и переводом на английский язык было подготов-

лено и опубликовано в Швеции в 2002 г. Уллой Биргегорд². Таким образом, путевые заметки и наблюдения молодого шведского придворного стали важным историческим свидетельством того, какой виделась Россия конца XVII в. посланнику ее северного соседа.

Двадцать шестого апреля 1684 г. в шесть часов утра, находясь в двенадцати верстах от российской столицы на реке Химке, Спарвенфельд впервые увидел вдали колокольню Ивана Великого — Slåttornet af Mouscov 'Дворцовую башню Москвы'³, а в двенадцать часов дня шведское посольство в сопровождении почетного эскорта въезжало в Москву через Тверскую слободу и Земляной вал⁴. Так началось трехлетнее пребывание шведского дипломата и путешественника в российской столице. Шестого мая состоялась официальная аудиенция шведского посольства в Грановитой палате Московского Кремля, где оно было представлено несовершеннолетним царям Петру и Ивану, снявшим перед иностранными посланниками в знак уважения шапки Мономаха — *sijna skinnfodhers mössor med korset och demanterna på* 'свои подбитые мехом шапки с крестом и бриллиантами'⁵.

В российской столице Спарвенфельд глубоко заинтересовался изучением славянской культуры и письменности и обратился к шведскому королю Карлу XI с просьбой разрешить ему остаться в Москве после отъезда шведской дипломатической миссии, чтобы серьезно заняться изучением русского и церковнославянского языков; вскоре он получил разрешение и материальную поддержку короля и правительства. В январе 1685 г. по совету начальника Посольского приказа князя Василия Васильевича Голицына Спарвенфельд начал брать уроки русского языка у Стахея Ивановича Годзаловского, польского дворянина из Вильны, служившего в Посольском приказе переводчиком с латыни и польского. Об этом сообщается в дневниковых записях, датированных началом января:

dh 9 talte iag mz Knes W.W. och aduerteradhe honom att iag effter hans befaldning har sökt och funit een språkmästare Stackei polak possolski pricas perevovich, han gaf mig handen uhr släden där iag mötte honom på gatan, och badh mig komma till honom med translatoren, dh et iag och gjorde dh. 10 bittida om morgonen⁶. '9-го говорил я с князем В.В. и сообщил ему, что по его повелению я искал и нашел преподавателя языка Стахея, поляка, переводчика Посольского приказа, он подал мне руку из саней, когда я встретил его на улице, и попросил меня придти к нему с переводчиком, что я и сделал 10-го рано утром.'

Через несколько дней в дневнике появляется новая запись о начале занятий русским языком:

dh. 15 begynte iag medh Stachej iwanowitz een polsk translator att studera dhet ryska språket efter bojarens befaldning⁷. ‘15-го начал я со Стахеем Ивановичем, польским переводчиком, изучать русский язык по повелению боярина’. Одним из основных учебников русского языка стала для Спарвенфельда «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, которую он в качестве упражнения для тренировки перевел на латынь.

В дневниковых записях Ю.Г. Спарвенфельда можно найти короткие зарисовки московского быта и русской природы — необыкновенно красивой березовой рощи *Marian bousk* ‘Марьиная роща’, цветущей ржи и поспевшей земляники девятого июня, первых заморозков второго сентября, первого снега двенадцатого ноября, первого весеннего дождя и начала весенней распутицы двадцать седьмого марта.

Удивительным для шведского путешественника был старинный русский обычай праздновать наступление Нового года первого сентября. Тридцатого августа 1684 г. в его дневнике появляется запись об этом событии:

Nu ändas dhet ryska åhret och begyner dhet 7193 åhret effter werldens skapelse som dhe räkna. **Den 1:** är nyåhrsdagen här i landet, och fijras med stor solennitet, såledhes, Alla förnähme herrar kläda sig prächtigt, och komma till hofwa, så och warda alla tyska officerare kalladhe om morgonen bittida⁸. ‘Вот и заканчивается русский год и начинается 7193 г. от сотворения мира, как они считают. 1-го в этой стране день наступления Нового года, который празднуют с большой торжественностью, а именно: все знатные господа нарядно одеваются и прибывают ко двору, а также приглашаются все немецкие офицеры рано утром’. Подробно описывается и торжество на Соборной площади в день Нового года:

Och så komma bägge tzarana barhufda, och låtha bära mössan och dhe långa sceptrerna med dh stora smaragden på änden, hwilka rätter kunna kallas långa käpper af silfr, och stijga sedan 3 trappsteeg op i detta rummet, hwarest dhe (altijdh) mäst blijfwa ståendes på sijna fötter på 2 röda atlask tyende, som ligga å golwet på turkeske tapeter hwarest dhe förlijda gudz tiensten, som sker under bar himmel af Patriarken hwars lilla tabouret mz violett tyende står på een lijten thron af 3 steg hög rätt 4 kantijg på wänstra handen wed tzararnas och uända sig alla ifrån tzararnas rum, och i oster emoth Kyrkan. <...> Och när Patriarken sielf ur biblen något ljitet läsit, steg Patriarcken och tzarerna neder på platzen och då gaf han dhem welsignelse och nyårsönskningen, med alle dhe andelige, sedan han lijtet tillförende hade doppat korset med hwilket han och offta welsignelsen utdehladhe i wattnet, som han helga skulle kring heela rijket hwilket stod på ett

bord i en stor förgylt kalk. Sedan Patriarken tzarerna hade önskat nyttårs önskan satte dhe sig inn igen på sijna 2 tabouretter. Då ginge alle bojarerna till och önskade samaledes och där med gaf dhem Patriarken 3 korsningar och så blef dhett alt⁹. 'И вот входят оба царя с обнаженными головами, а за ними несут шапки и скипетр с большим изумрудом наверху, который правильнее было бы назвать серебряным посохом, и поднимаются потом они на три ступени на то место, где они (все время) должны стоять на ногах на двух красных атласных покрывалах, которые расстелены на полу на турецких коврах, где проходит церковная служба, которую проводит под открытым небом патриарх, чья маленькая скамеечка, накрытая фиолетовой тканью, стоит на маленьком четырехугольном троне высотой в три ступени по левую руку от царей, и все обращены от того места, где находятся цари, на восток к церкви <...> И когда патриарх сам прочитал немного из Библии, он и цари сошли на площадь, и он дал им благословение и произнес новогоднее пожелание, как и все духовные лица, после того как он несколько ранее окунул крест, коим он часто благословлял, в воду, которую он будет освящать во всей стране и которая стояла в большой позолоченной церковной чаше. После того как патриарх пожелал царям хорошего нового года, они снова сели на свои места. Тогда подходили все бояре и желали того же самого, и патриарх крестил их трижды, и на этом все закончилось.'

В записи от шестого января 1685 г. так же подробно рассказывается об освящении воды на Крещение:

War jag <...> att bese helgandet af watnet som denna dag alla åhr plägar skeep af Patriarchen, på Moscowsca reca, i tzarens och så många 1000 menniscors närwarelse, med läsande och siungande och bilders procession. och några regementer strelitzer runt om kringh platzen på ijsen: och 100 fanor näst om kring dh platzen som med rödt Kläde war afdehlt 1. een 4drat. Sedan där inneuthi een oval. Och mittuthi een tribuna oppehållen af 4 stolpar, uthi hwilkens meddelpunct war hugget håhl i ijsen och trappewijs alt neder till wattnet, och står där uthi een Kittel, och stijger patriarchen neder och lägger ett Cors i wattnet, före och effter siunges och läses. Sedan hoffolket stolnicker, spalniker. Och så tzar Iwan till fots ledder af 2, ty tzar Petr. War det ey, och för och effter honom Boyagerna¹⁰. 'Довелось мне быть на освящении воды, которое в этот день каждый год совершается патриархом на Москве-реке, в присутствии царя и тысячи человек, с чтением (Библии), и пением, и крестным ходом. И с несколькими стрелецкими полками вокруг этого места на льду: и сотней знамен вокруг этого места, которое было отделено красной тканью в форме квадрата. А внутри нее овал. И посередине открытая трибуна на четырех

столбах, в центре которой была вырублена полынья в воде и ступени во льду, ведущие вниз к воде, и там стоит чан, и патриарх спускается вниз и погружает крест в воду, а перед этим поют и читают из Библии. Потом придворные стольники, спальники. И вот царя Ивана ведут одного из двоих, ибо царя Петра не было, а перед ним и после него бояре’.

В феврале 1687 г., после ссоры с начальником Посольского приказа князем Василием Васильевичем Голицыным, Спарвенфельд был вынужден по политическим причинам вернуться в Швецию. Вот как пишет он в своем дневнике об отъезде из Москвы:

dh 26 Februarij reste iag uhr Moskva sedan iag medh tårar taget afskedh af alla mijna weninnor och wänner som ey mindre läthe sig till hiärtath gå mitt afresande effter 3 åhrs wenligt omgänge, och wore iblandh mijne bäste wänner¹¹ ‘26 февраля я выехал из Москвы, после того как со слезами попрощался со своими подругами и друзьями, которые не меньше горевали сердцем в связи с моим отъездом после трех лет дружеского общения и были моими лучшими друзьями’. Среди них шведский дипломат называет русских придворных; при этом он приводит не только их полные имена, отчества и фамилии, но и названия их должностей, в основном в латинской транслитерации, с русскими вкраплениями написаний некоторых слов:

Knes Michail Semenovitz Wolkonskoi, Stolnik. Knes Andre Grigorevitz neswitzskoj. Stolnik. Knes Wasilej demitrovitz Misiцkoj Stolnik. Theodor grigoriowitz богданов bogdanow Stolnik. Pettr iwanowitz Naumow, en swåger ung Kar jacob dolgoruka, /стряпчей/, alexej Pawlowitz Simonow Striapsej, Knes grigori demitrovitz Myschitzkoi (striäptschei) schiletz жилецъ Samuel Cuprianovitz Kalitzki schiletz Michael romanovitz Kuschnikov жилецъ Andre Stepanovitz Зиминъ жилецъ Knes martian Semenovitz Mischitzkoi жилецъ Afanasij Андреевичъ беклемишовъ жилецъ Wasilei Ивановъ Tiutschow жилецъ¹². Поскольку Спарвенфельд упоминает должности своих добрых московских друзей и знакомых, на следующей странице дневника он приводит список придворных чинов и должностей Русского государства с краткими комментариями, объясняющими их ранг и назначение при царском дворе.

Ordningen af dignitet och äran hos Ryssarna är denne¹³ ‘Порядок достоинства и знатности у русских таков’:

Bojarin	wedh hâfwet ä	‘находится при дворе’
Krawtskei ¹⁴	förskårare	dh högste uthan rådet
	‘нарезчик	‘высший чин, не входящий в Думу’

Okolnitschei ¹⁵		
Spalnik ¹⁶ . eller kammarherre ‘или камергер’		Spalniki
Dumni dworänin ¹⁷		Stolnik ¹⁸
Dumnie diaki ¹⁹	Striapschej ²⁰ (schiletz ‘жилецъ’)	dworianin Moskovitskij ²¹ ‘жилецъ’ ²²

В дневнике Спарвенфельда встречается много культурно-специфических русских слов — названий должностных лиц и учреждений, а также топонимов и личных имен, которые либо написаны по-русски уже знакомой ему кириллицей, либо транслитерированы латиницей. В них нашли отражение трудности фонетической интерпретации и транслитерации русских звуков, в которых проявляются фонологические различия между русским и шведским языками²³:

1) отражение московского аканья в транслитерации слова *товарищ* *tavarisch*, *tavarischt*, в написании многочисленных названий русских деревень, например: Будова/Budoua, Завидова, Cobanowa, Povliukowa, Tscherkisowa, а также в различных вариантах написания фамилии начальника Посольского приказа князя Василия Голицына: Galitzin, Gallitzin, Golitzin, Goltitzin, Gholtitzin;

2) неразличение твердых и мягких согласных, например, в написании Холохолна вместо Холохол(ь)ня или в нескольких вариантах транслитерации слова Стряпчий: Sträpsi, Sträbski, Striapsej, Striapschej;

3) передача русской фонемы [ы], которую Спарвенфельд в одном из писем Лейбницу называл самым трудным для произнесения иностранцами звуком: manastir, Wladika, vipisca; visnoj Wolotschok, Вушной Волочокъ;

4) транслитерация слов со звонкими сибилантом [з] и фрикативным [ж], отсутствующими в шведской консонантной системе: Сими́на Го́ра, Сimnaja gora, Сimnaia gora — Зимняя го́ра; Зериеово Ма́настирь — Сергиев мо́настырь; Гușman, Сușman, Сușma — Кузьма; Зело, zelo, Selo — село; Мoroșow — Морозов; Тortschok, Торцок, Тorsok, Тorchock, Тortschoc, Тorchoc, Тortschok, Тortzok, Тorsock — Торжок; Тscherkisowa — Черкизово; Рetschestwenskoj — Рождественский, Рoschestwa — Рождество; vuligenia — уложение; schiletz, tziltzi — жилец, жильцы;

5) транслитерация слов с глухой и звонкой аффрикатами [щ] и [ц]: Ча́са — Ча́ща, jamgequeske — ямщик, Благовещеской, Вlagoweschenia, blaga Wesienie, Вlagowesctschon — Благовеще́ние; tscherko — церковь, возможно, в этом написании нашло отражение так называемое цоканье — произнесение ц вместо ч в северо-западных областях России;

6) транслитерация слов с глухим [х]: Тигон — Тихон, Дуговской — Духовской, скимники — схимники, Coloppe, golopp — холоп, но Христось Васхресть — Христос Воскресе; правильное написание в этом случае, вероятно, обусловлено тем, что Спарвенфельду много раз приходилось видеть его, в то время как другие слова он лишь воспринимал на слух;

7) отражение оглушения звонких согласных на конце слова: Гаврильофь, Kiof Киев, Gleeph Глеб;

8) отражение оглушения звонких согласных в результате ассимиляции: Spasgoi, Spaskoj, Miloslafskoi, Miloslavskoj, Sträpsi, Sträbski, Striapsej, Striaptschej.

В июне 1687 г. Ю.Г. Спарвенфельд возвратился в Швецию с большой коллекцией собранных им за три года славянских книг и рукописей²⁴. Во время пребывания в Москве у него возникла идея создания большого славяно-латинского словаря для европейцев “Lexicon Slavonicum”²⁵, и он еще в России начал собирать лексикографический материал. Вернувшись в Швецию, Спарвенфельд приступил к осуществлению своего замысла, в течение многих лет продолжая работу над словарем, в который вошло 27 тыс. словарных статей и около 50 тыс. слов из церковнославянского, русского, украинского, белорусского, польского, хорватского, а также несколько слов из чешского, поскольку все эти языки он считал диалектами церковнославянского. По совету Лейбница Спарвенфельд пригласил для работы над словарем в качестве ассистента и переписчика молодого словака по имени Матиас Забани, владевшего латынью и имевшего хороший почерк. В правке русской части участвовали военнопленные, в том числе русский посланник Андрей Яковлевич Чилков, арестованный в Стокгольме в связи с началом Северной войны в октябре 1700 г., а также его секретарь Алексей Ильич Манкиев, написавший во время пребывания в шведском плену исторический труд о России «Ядро российской истории» (1715).

В апреле 1689 г. по поручению Карла XI Спарвенфельд вновь совершил заграничную поездку для изучения и приобретения швейцарских и ётских древностей, которые могли, по мнению шведского короля, храниться в европейских библиотеках и свидетельствовать о великом историческом прошлом Швеции. В поисках таких свидетельств он побывал даже в Северной Африке. Во время путешествия Спарвенфельд надеялся найти в Европе издателя своего словаря и получить возможность напечатать “Lexicon Slavonicum”, однако реализовать эту идею ему так и не удалось. Возможность издания словаря в Швеции или в другой европейской стране осложнялась тем, что вся его славянская часть была написана кириллицей.

Лейбниц неоднократно и настойчиво рекомендовал транслитерировать славянские слова латиницей, однако Спарвенфельд был убежденным противником этого, считая, что латинская транслитерация не позволяет правильно передать звучание и графику русского и других славянских языков, а использование сочетаний нескольких согласных для передачи некоторых фонем осложняет понимание их фонетических особенностей. В то же время, как свидетельствуют документы из его архива, кроме русского, Спарвенфельд особенно интересовался польским языком и занимался сопоставлением польской и русской фонетики и графики. Это позволило ему предположить, что славянские языки являются значительно более близкими, чем это кажется на первый взгляд²⁶. По его мнению, не раз высказанному в письмах Лейбницу, славянские языки очень близки друг другу, хотя это может быть не слишком заметно из-за различий в алфавитах и графических системах. Он подчеркивал, что это дочери одной матери — церковнославянского языка, так что каждый, кто хорошо владеет им, легко понимает и другие славянские «диалекты»²⁷. В письменном наследии Спарвенфельда сохранилась русская молитва на сон грядущий с польской транслитерацией между строками²⁸; написанный им в оригинале церковнославянский текст приводится ниже в русской транслитерации:

Боже вечный и царю всякаго создания	Boze wiecznyj y caru wsjakaho sozdanija
сподобивый мя даже до часа	c(!)podobjwyi mja daze do czasa
часть сей доспети простими	czas sei dospjeti prostimi
грехи, яже сотворих всий день	hriechi jaze sotworich wsiy den(?)
делом словом и помышлением	diełom słowom i pomyślaniem
и отчисти господи смиренную	i (otczisti hospodi smirennuyu
душу от всякия скверности	dušu ot wsiakija skwernosti
плоти и духа.	ploti i ducha.

Во время пребывания в Риме в 1692 г. Спарвенфельд был принят Папой Иннокентием XII и преподнес ему рукописную копию известного в то время Латинско-славянского словаря Епифания Славинецкого в дорогом переплете; дарственное письмо было написано им на церковнославянском языке и латыни. В благодарность за это он получил ключи от Ватикана, включая библиотеку и архивы, чего ранее никогда не был удостоен ни один протестант; однако его тайная надежда на предложение Папы помочь с изданием славяно-латинского словаря не осуществилась. Результатом этой поездки

также стала большая коллекция ученых книг и рукописей, приобретенных в разных странах; среди них были издания на чешском, хорватском и словенском языках, которые могли пригодиться в работе над словарем.

В 1695 г. Спарвенфельд составил меморандум шведскому правительству, в котором подробно изложил планы по осуществлению своего лексикографического проекта. Словарь был рассчитан на то, чтобы им можно было пользоваться самостоятельно, с помощью грамматики церковно-славянского языка М. Смотрицкого в переводе на латинский язык, который был сделан Спарвенфельдом еще в Москве. Он должен был состоять из двух частей — латино-славянской и славяно-латинской, в обоих случаях с переводом на шведский. В том же году Спарвенфельд был назначен помощником церемониймейстера при дворе Карла XI, а в 1701 г. стал главным придворным церемониймейстером.

Тем временем судьба распорядилась так, что ему вновь довелось обратиться к русскому языку. Это случилось в Стокгольме после кончины короля Швеции пятого апреля 1697 г. Двадцать четвертого ноября, в день траурной церемонии, в средневековой церкви Риддархольм, где в усыпальнице шведских монархов был установлен гроб с останками Карла XI, Спарвенфельд произнес торжественную надгробную речь, завершив её сочиненной им «Плачевной песнью»²⁹. И речь, и завершающая её элегия-плач были написаны по-русски в латинской транскрипции с опорой на польскую орфографию. Текст «Плачевной песни» приводится здесь в русской транслитерации, которая была сделана Уллой Биргегорд³⁰:

Им же восточное солнце сияеть,
 Славяне, слышите, что возвѣщаетъ
 Гласъ оплачливъ изъ сѣверныя страны,
 Яко король преставися избранный.
 Горе намъ сведскимъ, яко согрѣшихомъ
 И непослушны богови быхомъ.
 Паде вѣнецъ добродѣтелей, славы,
 Им же вѣнчанныя быша намъ главы,
 Гдѣ иному королю тыи цвѣти?
 В души единой моглили поспѣти?
 Бѣ с'благочестиемъ связана крѣпость?
 С великодушиемъ бдѣние кротость?
 С воздержаниемъ чистота, милость
 И с'люботрудиемъ правда, премудростью
 Все сихъ величество все совершенно.

Бяше велику Каролу собственно
Нынѣ в'селенней неправда владѣть,
И христианска любовь оскудѣть
Для того мирскіи цари рыдайте,
Миротворителя мира плакайте,
Иже державу в'войнѣ принимаше
И во преславном мирѣ же скончаше.
Вы также миръ и покой возлюбите,
Миропогубники вси разорите,
Цѣла Европа слезы проливаетъ,
Миръ безъ Каролуса кто ей подаетъ?
Кто свиоготскимъ будетъ утѣшитель?
Умре бо храбрый врагъ победитель,
Отъ его руки враги побѣгоша,
И противитися не возмогоша.
Друзи, не плакайте, якъ изцѣлися
Нашего сердца рана. И явися
С корене славнаго цвѣтъ неразтлѣнный,
Нравовъ же отческихъ образъ с'вершенный.
Кароль двенадцатой во млад(?)хъ лѣтѣхъ
Мужество казуетъ давножъ. Отъ дѣтехъ
Есть разлучимый разумомъ тѣломъ,
Великодушиемъ, славою, дѣломъ,
Всехъ добродѣтелей отческъ, ревнитель
И неравнителенъ бѣднымъ кормитель.
Дай Боже Каролу долго пожити,
Единодушно ему намъ служити.

В 1712 г. Ю.Г. Спарвенфельд оставил службу при дворе и удалился в семейную усадьбу Обулунд недалеко от города Вестерос, в 100 километрах к западу от Стокгольма. Там он до конца жизни занимался чтением ученых книг и переводами. Начиная с 1705 г. Спарвенфельд стал передавать шведским библиотекам сокровища, хранившиеся в его личном собрании. Большая часть его славянской коллекции была передана им в 1721–1722 гг. в дар *alma mater* — библиотеке Упсальского университета; некоторые книги из этого собрания передал в городскую библиотеку Вестероса его внук в 1774 г. Так наследие одного из первых шведских славистов XVII в. благодаря многолетней подвижнической работе профессора Упсальского университета Уллы Биргегорд в конце XX века стало достоянием современных историков и языковедов.

* * *

¹ *Birgegård U.* En brobyggare på 1600-talet. J.G. Sparwenfeld och hans Lexicon Slavonicum // Kungl. Vitterhets Historie- och Antikvitets Akademiens. Årsbok, 1993. S. 141.

² J.G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–87 / Ed., transl. and with a commentary by Ulla Birgegård. Slavica Suecana. Series A — Publications. Vol. 1. Kungl. Vitterhets Historie- och Antikvitets Akademien. Stockholm, 2002.

³ Здесь и далее перевод мой. — Е.Ч.

⁴ J.G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–87. S. 142–144.

⁵ Ibid. S. 152.

⁶ Ibid. S. 206.

⁷ Ibid. S. 208.

⁸ Ibid. S. 190.

⁹ Ibid. S. 190–192.

¹⁰ Ibid. S. 202–204.

¹¹ Ibid. S. 228.

¹² Ibid. S. 230–232.

¹³ Ibid. S. 232.

¹⁴ Придворный чин Русского государства, ответственный за стольников, подающих еду и напитки, тот, кто «рушит» (режет) за столом жаркое, пироги.

¹⁵ Придворный чин и должность в Русском государстве XIII — начала XVIII в.; с середины XVI в. второй после боярина думный чин Боярской думы; окольные возглавляли приказы, полки, назначались в дипломатические миссии.

¹⁶ Придворный чин в Русском государстве в XV–XVII вв., находился в подчинении у постельничего, спальники дежурили в комнате государя, раздевали и одевали его.

¹⁷ Думный чин в Русском государстве в XVI–XVII вв.; думные дворяне являлись третьим по «чести» разрядом (чином), после бояр и окольных; принимали участие в заседаниях Боярской думы, руководили приказами, а также назначались воеводами в города.

¹⁸ Должностное лицо при дворе русских князей и царей; лицо в этой должности, хранившее государственную печать.

¹⁹ В Русском государстве в XVI–XVII вв. низший думный чин; составляли и правили проекты решений Боярской думы и царских указов, ведали делопроизводством.

²⁰ Чин или должность государственного служащего в России в XVI–XVIII вв., дворцовый слуга; придворный чин, следующий ниже за стольником.

²¹ Чин служилых людей, существовавший в Московском государстве; вместе со стольниками, стряпчими и жильцами они составляли группу московских служилых людей, не имевших права участвовать в заседаниях Боярской думы.

²² Жильцы — дети дворян, бояр, стряпчих и стольников, которые должны были всегда жить в Москве и быть готовы к службе и войне; жильцы считались

охранным войском, но использовались для различных поручений, например, развозили государевы грамоты.

²³ *Birgegård U. Some Linguistic Observations // J.G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–87 / Ed., transl. and with a commentary by Ulla Birgegård. Slavica Suecana. Series A — Publications. Vol. 1. Kungl. Vitterhets Historie- och Antikvitets Akademien. Stockholm, 2002. P. 344–347.*

²⁴ Значительная часть собрания славянских рукописей и печатных книг Спарвенфельда хранится в Научной библиотеке Упсальского университета; см. об этом: *Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld // Från Nyens skans till Nya Sverige. Språken i det Svenska Riket under 1600-talet. Kungl. Vitterhets Historie- och Antikvitets Akademien. Konferenser 78. Stockholm, 2012. S. 309–314.*

²⁵ *Birgegård U. J.G. Sparwenfelds lexikografiska arbeten och deras plats inom samtida rysk lexikografi // Slavica Lundensia 3. Kring den svenska slavistikens äldsta historia. Lund, 1975. S. 27–52; Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the Lexicon Slavonicum. His contribution to 17th Century Slavonic Lexikography. Uppsala, 1985.*

²⁶ *Биргегорд У. Плачевная речь по Карлу XI на русском языке // Podobaet pamjat' s'tvoriti. Essays to the Memory of Anders Sjöberg / Utg. Av P. Ambrosiani et al. Stockholm Slavic Studies, 24. Stockholm, 1995. S. 33.*

²⁷ Там же. S. 34.

²⁸ Там же. S. 32–33.

²⁹ Там же. S. 25–37.

³⁰ Там же. S. 27–29.